

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. В. Воробьев

Важнейшей проблемой, решаемой экономистами во все времена является изыскание ресурсов, обеспечивающих экономический рост, ведущий соответственно к повышению благосостояния населения страны. Такие ресурсы находились, но дело в том, что со временем одни из них исчерпывали себя, уступая место другим, а другие были эффективны только для определенных условий.

Экономически развитые страны последовательно прошли доиндустриальную и индустриальную стадии и в середине прошлого века вступили в постиндустриальную стадию. К началу 80-х годов в США, а несколькими годами позже и в странах Западной Европы валовой продукт сферы интерперсональных услуг (*human services*) превзошел валовой продукт сферы материального производства. Темпы его прироста в первой половине 80-х годов также превышали аналогичные показатели в сфере материального производства: во Франции – в 2 раза, в США и Германии – в 6, в Англии – в 30 раз¹.

В связи с этим перед Республикой Беларусь как, впрочем, и перед Россией (хотя у последней ресурсный потенциал значительно выше, а, значит, выше и возможности индустриального развития), как перед странами с трансформируемой экономикой стоит вопрос: в каком направлении трансформироваться – в индустриальном, развивая промышленность и сельское хозяйство или

¹ *Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21 Century. N. Y. 1992, p. 113.*

в постиндустриальном – главный упор делая на развитие отраслей, формирующих интеллектуальные способности человека.

Представляется очевидным, что пройти весь путь индустриального развития нам уже не под силу и более того, это уже не имеет никакого смысла. Можно вспомнить опыт Японии еще успевшей вскочить в последний вагон уходящего индустриального поезда и подарившей миру так называемое «японское чудо», основанное на закупке патентов и выпуске более дешевых и качественных аналогов существующих товаров. Однако в постиндустриальных отраслях такая стратегия оказалась совершенно бесполезной. Нет, к примеру, ни одного серьезного японского программного продукта, завоевавшего успех на

Последние десятилетия 20 в. дали миру еще один поучительный и драматический опыт отчаянных попыток преодоления в ряде стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки экономической и социальной отсталости. Эти попытки возродили интерес научной и политической мысли к мобилизационным моделям экономического развития, позволившим «азиатским тиграм» выйти в авангард индустриального производства. Но в том-то и заключается драматизм новейшей экономической истории, что принципы индустриальной эпохи по большому счету, «не срабатывают» в условиях, когда технологический и социальный прогресс привел к становлению достаточно зрелых форм общественного развития.

В результате массированных иностранных инвестиций и высокой нормы накопления (обеспечиваемой также более низким уровнем жизни) экономический рост в странах региона оказался в 70-е и 80-е гг. самым высоким в мире, составляя от 7 до 8 % в Таиланде и Индонезии, 8,1 – в Малайзии, 9,4–9,5 – в Гонконге, Южной Корее и Сингапуре и 10,2 % на Тайване. С 1991 по 1995 г. экономика восьми из десяти стран, достигших роста более 50 %, была сосредоточена в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно статистическим экстраполяциям, Восточно-Азиатский регион, вклад которого в мировой ВВП составлял в 1960 г. не более 4, увеличил его до 25 % в 1991 г. и способен был довести до 30 % к 2000 г. Однако кризис 1997 г. похоронил эти надежды. Причины

его были вполне объективными и были связаны как с относительной односторонностью азиатских хозяйственных систем (так, в Южной Корее к середине 80-х гг. продукция металлургии, тяжелой и химической промышленности обеспечивала 60 % общего объема экспорта; в Малайзии доля продукции электронной промышленности в экспорте превысила 44 %.) так и с тем, что экономический рост обеспечивался в основном экстенсивными факторами. Норма сбережений, составляющая в Гонконге – 30 % ВВП, в Малайзии, Таиланде и Южной Корее – по 35, в Индонезии – 37, а в Сингапуре – 47 %, при этом имеющая тенденцию к дальнейшему росту, означает лишь то, что успехи производства основывались на **недопотреблении населения**. При этом развитие промышленности основывалось на вовлечении в производство все больших людских масс¹.

Эти моменты служат основанием для вывода: Молодые индустриальные страны Азии, так же, как Советский Союз в 1950-е гг., добились быстрого роста главным образом за счет поразительной мобилизации ресурсов... Их развитие, как и развитие СССР в период высоких темпов роста, стимулировалось в первую очередь небывалым увеличением затрат труда и капитала, а не повышением эффективности производства. Результат же подобной политики выражается в росте макроэкономических показателей, оторванных от таких определяющих характеристик, как уровень жизни населения и обеспечение социального благополучия.

Кризис, наступивший в 1997 г., показал всю относительность азиатского благополучия. Сегодня можно уверенно утверждать, что главной его причиной были не только ошибки в финансово-кредитной политике, но главным образом – **нарушение фундаментальных воспроизводственных пропорций, поставившее эти страны в жесткую зависимость от мировой хозяйственной конъюнктуры**.

Вышесказанное подтверждается и материалами актуального отчета Всемирного экономического форума (ВЭФ) за 2003–

¹ *Иноземцев В.* Наметившиеся воспроизводственные тенденции в мировом хозяйстве // *Экономист*. 2000. № 6.

2004 гг. по мировой конкурентоспособности.¹ В отчет включены 102 экономики, дающие 97,8 % мирового ВВП. Результат исследования отражен в ранжировке стран по критерию мировой конкурентоспособности (GCR). Вот первый десяток мировых лидеров:

1) Финляндия,	6) Сингапур,
2) США,	7) Швейцария,
3) Дания,	8) Исландия,
4) Швеция,	9) Норвегия,
5) Тайвань,	10) Австралия.

Надо отметить, что в данном перечне нет Республики Беларусь, а из стран СНГ сюда включены только Россия (70 место) и Украина (84 место).

Очевидно, что страны первой десятки (за исключением США) являются малыми открытыми экономиками и половина лидеров – представители феномена «скандинавского высокотехнологического чуда», которые не имеют преимуществ перед РБ по природным условиям и наличию полезных ископаемых.

Успех Финляндии и других скандинавских «тигров» целиком обусловлен инвестициями в их человеческий и социальный капитал, а также «эффективностью управления государственными расходами», а не запасами недр и их продажей за рубеж.

С этими утверждениями трудно спорить, и с ними практически никто и не спорит, однако, на практике в качестве первоочередных задач экономического развития РБ все равно выдвигается рост ВВП, развитие реального сектора экономики причем, само разграничение экономики на реальный сектор и всякую другую экономику уже ставит определенные акценты.

Итак, по мере того как информация и знания становятся основным, базовым ресурсом современной экономики значительно сужается и круг традиционных экономических законов, с помощью которых она регулируется. Канули в Лету времена А. Смита и его «экономическим человеком» и даже времена Дж. Кейнса с его психологическим законом. Наступает время поиска новых ры-

¹ World Economic Forum, Global Competitiveness Report 2003–2004; http://www.weforum.org/pdf/Gcr/GCR_2003_2004/Competitiveness_Rankings.pdf.

чагов воздействия на социально-экономическое развитие общества и, на наш взгляд важнейшими среди них становится социальный капитал. В этой связи необходимо отметить, что термин «капитал» нами рассматривается не в сугубо экономическом значении как самовозрастающая стоимость, а для того, чтобы подчеркнуть особую значимость социальной составляющей современного общества («капитал» в переводе с латинского – главный).

Социальный капитал, по нашему мнению, представляет собой синергетический эффект, полученный в результате взаимодействия людей как элементов совокупной рабочей силы в процессе производства (имидж, корпоративная культура, престиж – на уровне организации (фирмы)) и как личностей вне процесса производства (традиции, культура – на уровне нации, государства), то в отличие от человеческого капитала в его толковании нет единого мнения.

Так, П. Бурдье определял социальный капитал как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства». Но наибольшую известность понятие «социальный капитал» получило в расширительной трактовке Джеймса Коулмена, согласно которому это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы. По аналогии с физическим и человеческим капиталом, воплощенным в орудиях труда и обучении, которые повышают индивидуальную производительность, социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды. Социальный капитал – это социальный клей, который позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу. «Социальный капитал – это способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или более широкой социальной структуре... Способность к накоплению социального капитала не является индивидуальной характеристикой личности, она является особенностью той сети отноше-

ний, которую выстраивает индивид. Т. о., социальный капитал – продукт включенности человека в социальную структуру»¹.

Часто в литературе социальный капитал встраивают в понятие «интеллектуальный капитал»². По нашему мнению, это неправомерно, так как интеллект – это способность мозга перерабатывать информацию и таким образом относится к индивидуальным свойствам человека и неотделимо от него. Социальный же капитал формируется в результате взаимодействия людей друг с другом и получает объективные формы своего выражения.

В этом, на наш взгляд, и состоит основная методологическая ошибка – категории человеческого и социального капитала встраиваются в уже имеющуюся систему координат. Необходимо же «выйти из квадрата» как в известной головоломке, т. е. рассмотреть данные категории с качественно иных позиций.

Основной сферой, в которой формируется человеческий и социальный капитал является сфера образования, поэтому именно здесь и должны быть сфокусированы усилия общества и государства.

Сфера образования – это сфера стратегических интересов общества, а потому ее состояние и уровень развития являются факторами социального прогресса и хозяйственного роста. Поэтому на современном этапе важнейшим представляется два момента.

Во-первых, восстановление утраченных социальных функций образования, в результате реализации которых и формируется социальный и человеческий капитал. В образовательной практике нарушилось характеризовавшее ее ранее единство образования и воспитания. Отбросили то, что составляло стержень общепринятого общественного идеала, и не выработали новый. Кроме этого, социокультурная интеграция человечества ставит проблему, как не растерять на дорогах прогресса духовных ценностей своей культуры, учитывая, что истинный смысл образования все-таки – приобщение к вечному.

¹ Нестик Т. Культурный, социальный и символический капиталы // www.artpragmatica/contents/science/nestic.

² См., например: Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. С.-Пб., 2001; Мильнер Б. З. Управление знаниями. М., 2003 и др.

Это требует разработки **государственной политикой в области образования, учитывающей национальную идею**. Недостатком проводимых образовательных реформ является ориентация в их осуществлении на исторически сложившиеся формы и методы общественного жизнеустройства в экономически развитых странах Запада. Одной из функций образования является воспроизводство культуры. Духовный вакуум может стать причиной кризиса образовательной системы, т. к. он «постепенно заполняется различными суррогатами, начиная от искусственно насаждаемых американских «формул успеха» (системы мотиваций и моделей поведения в условиях рыночной экономики), кончая национал-шовинистическими идеологиями различного толка, которые успели достаточно укорениться как на уровне индивидуального, так и массового сознания.

Во-вторых, система образования должна стать основой формирования интеллектуальной элиты нашего общества. Конец 20 и начало 21 в. стали эпохой подлинной «революции интеллектуалов». Новая информационная экономика позволяет начинать рискованные проекты фактически без первоначального капитала; большая часть средств производства, использующаяся интеллектуальными работниками, является сегодня их личной собственностью, поэтому в скором будущем именно эти люди станут во главе всех общественных изменений и та идеология, которую они будут формировать, закладывается именно сейчас в системе образования, ведь известно, что все политики претворяют в жизнь те идеи, которые были в них заложены их учителями и преподавателями.